

«Три сестры». Слева направо: Тузенбах — Ю. Кольцов, Солёный — Ю. Леонидов, Вершинин — М. Болдукин, Ольга — К. Иванова, Маша — М. Юрева, Ирина — Р. Максимова

не забуду отчаяния Машин в момент ее прощания с Вершининым в последнем акте, или крик страдания Ирины — Степановой и ее стремительный бег в глубину сцены, когда она узнает о смерти Тузенбаха. Именно поэтому отрадно было видеть точное воспроизведение этой постановки на сцене театра «Сэдлерс Уэллс». Интересно было также сравнить молодых актеров с прежним составом. Пьеса, конечно, выиграла оттого, что возраст актрис соответствовал возрасту исполняемых ими ролей (Ольга, Маша и Ирина), и можно сказать, что в основном эти превосходные актрисы с честью выдержали сравнение. Только в третьем и четвертом актах я почувствовал (и это, по моему, была единственная профессиональная ошибка одной из исполнительниц), что голосовые средства Р. Максимова и то чувство уверенности в походке и движениях, которое приобретается в результате многолетнего опыта, — не вполне соответствуют ее роли. Молодым английским актрисам, исполняющим роль Ирины, трудно избежать монотонности в передаче ее пространных высказываний в конце третьего акта. С такими же трудностями столкнулась, очевидно, и молодая русская актриса. А когда ей пришлось играть сцену в смелой трактовке Нemiрoвича-Данченко — с криком страдания стремительно бежать в глубину сцены, — казалось, что ей не хватало внутренней убежденности. Прием режиссера действительно оказался смелым, но, пожалуй, смелость эта не была оправдана. Даже великие артисты порой грешат в вопросах вкуса и правдивости воплощения, и здесь хочется задать вопрос: **«Так ли на самом деле должна была реагировать Ирина? Ведь она не любила барона».** Таким образом, здесь, но только здесь, представляется, что наша спокойная английская трактовка этой сцены: потрясенная Ирина застыла в молчании — вполне отвечала замыслу драматурга. Следует, однако, помнить, что прием Нemiрoв-

ича-Данченко был эффектным в мастерском исполнении Степановой. Отсюда возникает вопрос: что такое правдивость в игре, и где исполнение перестает быть правдивым? Но у нас нет сейчас времени рассматривать эту проблему. Не согласится ли нам пока вот на чем: правдиво все то, во что актер способен заставить поверить зрителя?

Другими яркими моментами в этом великолепном спектакле были, конечно, удивительно тонкие и отличающиеся большим разнообразием эффекты третьего акта, мелодичное пение, так контрастирующее со следующей за ним знаменитой комической репликой Чебутыкина о Балзаке, и поистине изумительный последний уход Солёного. Этот момент был сыгран превосходно. Один критик, чья любовь к театру вообще, и к Художественному театру в частности, аствует в противоречие с его весьма слабым ощущением сценического ритма, отметил в театральном действии множество таких моментов и утверждал, что все вместе они лишь замедляют темп спектакля, чего не терпят ни английские театры, ни зрители. Здесь он, конечно, абсолютно неправ. О медлительности темпа в театральной постановке можно говорить лишь, когда паузы мертвы, то есть лишены всякого значения и смысла. У актеров МХАТа таких мертвых пауз нет: в каждой чувствуется биение живых сердец. Уход Солёного — одна из таких потрясающих безмолвных сцен, созданных поразительными средствами актерской техники.

После солнечного и очаровательного «Вишневого сада» и печально-нежной лирики «Трех сестер» спектакль «Дядя Ваня» нас разочаровал. Я полагаю, что и пьеса сама по себе более трудна для интерпретации, нежели другие; знакомое нам слияние в контрапункте элементов трагического и комического дано здесь менее тонко и последовательно, чем в двух

наиболее зрелых работах. Незабываем образ дяди Вани, созданный В. Орловым. Это превосходный актер. Пронизывающий взгляд его глубоко посаженных глаз передает трагическое напряжение в этой пьесе с такой же силой, с какой он выражал трогательную нежность Кулыгина в «Трех сестрах».

Орлов дал нам то, чего нам всегда недоставало в дяде Вани. Он показал нам его целиком поглощенным своими переживаниями и заботами и сумел, тем самым, удивительным образом прочно завоевать наши симпатии. Соня также была именно такой, какой она нам представлялась. Однако игра некоторых других актеров показалась мне не более чем заурядной.

Астров, так убедительно сыгранный Ливановым в Москве, здесь в исполнении другого артиста вовсе не предстал перед нами человеком потенциально сильного характера и незаурядного ума, человеком, характер и ум которого подточены пьянством и скукой повседневного существования, но чьи благородные идеи тем не менее ярко сияют, когда он говорит о лесах и о счастье, к которому придет человечество. Нет, этому Астрову не хватало внутреннего огня. Он казался незрелым и немногом скучноватым. А Елена — эта ленивая красавица, чьи женские чары разрушили жизнь троих людей, — где она в этом спектакле МХАТа на сцене «Сэдлерс Уэллс»? Мне кажется, что у нас есть немало актрис, которые лучше справились бы с этой ролью. Возможно, оценивая спектакль, я начал не с того конца: первый акт должен происходить в саду, а Московский Художественный театр по необходимости, которую я вполне понимаю, был вынужден показать его в столовой. Тем самым мы были

лишены возможности увидеть одну из важных чеховских поэтических сцен на фоне природы и, следовательно, не могли почувствовать атмосферу солнечного заката, символизирующего закат жизни и надежд главных героев, их тяжелое душевное состояние, подчеркнутое контрастным образом обворожительной «вечной женщины», мерно покачивающейся на качелях. И несмотря на великолепное изображение грозы и на трогательный образ дяди Вани, созданный Орловым, для меня эта сцена была окончательно и безвозвратно испорчена.

Мне остается только сказать, что четвертой пьесой, показанной в Лондоне, была «Беспокойная старость» С. Рахманова. Артисты играли добросовестно и даже с любовью, но как бы хорошо ни было исполнение, оно не может компенсировать отсутствие сценичного сюжета и упрощенность характеристик действующих лиц. Я, однако, вполне понимаю, какое впечатление производит эта пьеса на советского зрителя. Здесь проявляется стремление воссоздать недавнее прошлое, еще раз в уютной театральной обстановке испытать чувство братства, порожденное пережитыми вместе невзгодами.

Я предпочитаю закончить эту статью, вновь воскресшая в своей памяти образы трех сестер, прижавшихся друг к другу и прислушивающихся к затаившейся походной музыке, под которую покидает город батарея. Я предпочитаю вспомнить еще раз о том, как много может сделать великий писатель своими творениями, обретающими жизнь в превосходной игре и режиссуре, для того, чтобы напомнить нам о родстве всех людей и всех наций.

Во время гастролей в Лондоне группа артистов Московского Художественного театра участвовала в торжественной закладке нового здания для театра «Мермейд»

